

В те дни в Спасском...

Екатерина Конусевич

В отделе рукописей Российской Государственной библиотеки хранятся пожелтевшие листки, исписанные старческим почерком. Это воспоминания Екатерины Николаевны Конусевич, урожденной Тургеневой, дочери Н. И. Тургенева, дяди писателя. Составленные на основе «рассказов родственников и по воспоминаниям детства», они несут в себе живое очарование ушедших лет, память об усадьбе Спасское-Лутовиново и самом Иване Сергеевиче Тургеневе.

При подготовке публикации потребовалась неко-

торая литературная обработка и правка, так как в Рукописи есть и зачеркнутые слова, фразы, и сбивчивость изложения, и чисто стилистические огрехи. По всей видимости, Екатерина Николаевна не ставила целью напечатание своих записок, а просто считала долгом пересказать все то, что сохранила память.

Мы должны быть благодарны родственнице писателя, которая на склоне лет взяла на себя труд воссоздать дорогие для нас образы былой усадебной жизни, тем более связанные с именем,

славным в истории России. Рукопись Екатерины Николаевны в своем роде и сама является документом времени: так, на оборотной стороне одного из листов можно прочесть адресованное ей письмо, помеченное 23 ноября 1925 года (должно быть, бумаги не было и для своих заметок Екатерина Николаевна использовала даже старые письма). Здесь есть такая фраза: «...предложили $\frac{1}{2}$ пуда меда за $1\frac{1}{2}$ пуда книг». Штрих, характерный для того времени: вот так расплылись и исчезли библиотеки.

Спасское-Лутовиново. Осень

...Иван Сергеевич был человеком с мягким характером, сердечный, ласковый с людьми всех сословий... Он ежегодно приезжал в Спасское летом на три месяца, а остальное время проживал за границей. На вопросы об этом обычно отвечал, что у него там уже свито гнездо, но, несмотря на то, он очень любил свою Россию и душой был всегда на родине.

В последний раз он приезжал к нам в деревню в 1875 году. Приезжал, чтобы повидаться и проститься со своим дядей, горячо им любимым. Помню, как Иван Сергеевич и дядя его, оба седые, замерли в объятиях, помню, как из глаз их катились слезы. Оправившись, сели друг против друга и не знали, о чем начать разговор, с чего начать воспоминания... Отъезд Ивана Сергеевича был еще более тягостным — старики чувствовали, что расстаются

навсегда и больше не увидятся на этом свете...

* * *

Иван Сергеевич был замечательным шахматистом, с ним в игре соперничали граф Л. Н. Толстой и А. А. Фет — поэт...

Хорошо играл также на бильярде и, когда выигрывал партию, ставил кий на ладонь и, вприпрыжку обходя бильярдный стол, радостях напевал: «Жил-был у бабушки серенький козлик». Часто спорил с Л. Н. Толстым, часто говорил, что в спорах этих дает Толстому фору, нередко сводил спор на шутку...

* * *

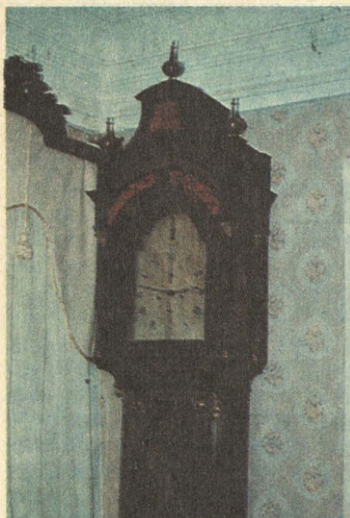
Наша классная комната в Спасском доме выходила окнами в сад, и Иван Сергеевич каждый день проходил мимо — он жил во флигеле, а мы, семья отца, в большом доме. В классе с

нами всегда присутствовала моя родная тетушка Анна Семеновна Белокопытова, женщина чрезвычайно умная и образованная по тем временам. С ней Иван Сергеевич был очень дружен, много беседовал, советовался, расспрашивал о ее впечатлениях после прочтения рукописей, которые давал ей.

В один прекрасный день на Иван Сергеевич, как обычно, шел мимо наших окон, но был очень взволнован. Зашел в классную комнату и на расспросы Анны Семеновны лишь бросил на стол свою ручку со словами: «Теперь, Анна Семеновна, все кончено». И заплакал. Мы все были поражены, не знали, что и подумать. А он все повторял: «Теперь все кончено». А потом сказал, обращаясь к Анне Семеновне: «Возьмите эту ручку, которой написаны все мои сочинения...». Положил свою

Спасское-Лутовиново. Флигель главного дома

Напольные часы из музея-усадьбы Спасское-Лутовиново

Герб рода Тургеневых

Самовар из дома в Спасском-Лутовинове

перламутровую ручку на стол, она вдруг покати­лась, упала на пол и расколо­лась пополам. Он поднял ее и произнес: «Эта ручка была мой талант, больше я не буду писать так, как писал. Все, что ни напишу, теперь будет слабее». А в это время Иван Сергеевич закончил как раз «Дворянское гнездо». Может, так оно и вышло, как он при нас тогда признался...

* * *

Несмотря на то, что он большей частью жил за границей, он не забывал всех обычаев России, умел вести речь с простыми людьми, которые его и помнили, и ценили.

... Когда Иван Сергеевич находился в Спасском, здесь часто собиралось местное общество. Особенно многочисленны были гости в день его именин — на Ивана Купалу. Для него все были равны — как богатые князья и графы, так и бедные дворяне. Иван Сергеевич во время этих приемов просил тех из гостей, которые вла­дели иностранными язы­ками, в этот день своих знаний не употреблять, чтобы была одна только русская речь. Дело в том, что многие соседи, Тулеповы, Шеломовы и другие, языками иностранными не владели, и Иван Сергеевич опасался поставить их в неловкое положение.

* * *

Он глубоко понимал и любил музыку, артистически тонко разбирал ее. Мать моя и тетка были неплохими музыкантшами, и ему нрави­лось, как они играют, особенно в четыре руки. Больше всего любил слушать в их исполнении Бетховена. Когда же оперу «Фауст» написал Гуно для Виардо, Иван Сергеевич привез первую в России партитуру оперы в Спасское — так что именно здесь она прозвучала впервые на нашей земле...

По вечерам, когда соби-

ралось общество, бывали танцы. Самый модный — кадрили — танцевали все, и молодые, и старые. Дири­жировал на танцах всегда сам Иван Сергеевич... Когда моя мать играла его люби­мую польку, он закладывал большие пальцы под мышки жилета и говорил: «Елиза­вета Семеновна, голубушка моя, вы играйте эту польку так, чтоб во время танца чувствовалось, что — пада­ешь...» Затем он брал как даму своего обожаемого дядюшку и сам за кавалера шел с ним танцевать...

* * *

Помню, в саду была большая круглая беседка из липы. В ней — длинная доска-качалка. На нее частенько ложился Иван Сер­геевич и в солнечный день наблюдал за кучевыми обла­ками, за их игрой... Иногда вставал до восхода солнца, внимательно вслу­шивался в предутреннее пе­ние птиц. Особо изучал свист и трели соловья... Умел хорошо плавать на боку и на спине. Любил наблюдать, как ловят в прудах рыбу неводом. А ее было много... Караси были громадные — когда клали на мелкую тарелку, хвост и голова не умещались.

Иван Сергеевич был большой любитель ездить — часто и мы с ним — за гри­бами и орехами. Запрягалась линейка да еще две подводы. Такая масса была грибов.

Когда ездили по грибы и за орехами, часто приез­жали на хутор Чаплыгин с громадным лесом вокруг и пчельниками.

Жил там старик — креп­кий, коренастый, с крупными руками и ногами, белый как лунь, с густыми, в кружок об­резанными волосами, с нависшими длинными бровя­ми, из-под которых нельзя было разглядеть даже глаз. Борода была по пояс. Мы, дети, его боялись. Он пче­лами занимался. А еще умел искусно делать товлинки из бересты для нюхательного

табака: вырезал звездочки, крестики...

...Старик тот всегда приходил к Ивану Сергеевичу, держа в руках большую деревянную чашку с медом. Так было им заведено в храмовые праздники. Иван Сергеевич его очень уважал, угощал чаем и завтраком, подолгу говорил с ним. Несмотря на преклонный возраст, душа Ивана Сергеевича была молода, судя по тому, что многое его интересовало, как юношу.

* * *

...Богатым человеком Иван Сергеевич стал случайно. И вот почему. Отец его матери, Петр Иванович Лутовинов, жил на хуторе Петровском, состояние имел среднее и имел одну-единственную дочь. Рядом, в двух верстах, было Спасское, где жил Иван Иванович Лутовинов, богатый и холостой. Однажды он собрался ехать в Мценск — писать запродажную запись для передачи

после его смерти имения в наследство побочным детям.

Настал долгожданный день отъезда. С утра был отслушан молебен, потом был обильный завтрак. На десерт подали фрукты, в том числе и персики (дело было летом). Иван Иванович взял персик и нечаянно проглотил кость. Она застряла в горле. Ничего нельзя было сделать — и он скончался.

Брат его Петр Иванович умер раньше. Оставалась одна Варвара Петровна. Она и получила все богатство своего умершего дяди. У ней было пять тысяч душ крепостных. В таком богатстве родился, рос и получил блестящее воспитание, с гувернером и учителями, со знанием иностранных языков, Иван Сергеевич Тургенев.

Талант его, конечно, развивался бы и без богатства, но не в таком обширном виде. И не смог бы Иван Сергеевич ездить за границу — так, как ездил,

тратить свободно большие деньги. Так бы и остался в России...

Иван Сергеевич провел довольно бурную жизнь. Это и видно было по нему: как рано внедрилась в него болезнь, он долго страдал перед смертью в свои 65 лет...

Большая часть его состояния пошла за границу, на семейство Виардо. Она много поглотила его денег. Потом она купила виллу в Баден-Бадене, стоившую очень крупную сумму. А он постепенно продавал свои имения. Их было поначалу восемь, а под конец, ко времени смерти Ивана Сергеевича — лишь Спасское с незначительным количеством земли, которое он перевел в пользование Виардо.

Наследники лутовиновские, желая оставить Спасское за собою, выплатили за границу Виардо 90 тысяч золотом. Так что Иван Сергеевич на память о себе оставил только свои сочинения.

Аллея в парке Спасского-Лутовинова